

«КУ-КУ!»

О чём кукушка на суку
Заводит древнее «ку-ку!» —
О нынешнем,
О прошлом,
О грядущем?

Затихли чайки на волне,
Молчат русалки в глубине,
И смолы в жилах ели
Янтарно загустели.
— Ку-ку! —

И ты прислушалась, грустя,
Как любопытное дитя,
Забыв про белый свой цветок
И про последний лепесток.
— Ку-ку! —

Втянулось время в циферблат,
И, словно айсберги, стоят
На Волге летней корабли.
Не долетела до Земли
Падучая звезда.
— Ку-ку! —

И дождь завис на полпути,
И самолётам не пройти
Сквозь вакуум тягучий,
Втянувший дождь и тучи.
— Ку-ку! —

И ножниц ход недвижим, крив,
Ткань савана не докроив...
Заело смазанный боёк,
Что к капсюлям всегда жесток.
А на рябиновом суку:
— Ку-ку! —

И чья-то важная рука
Не ставит подписи пока,
На первой букве встала,
Так, словно приуслала.
— Ку-ку! —

Расправив белые крыла,
Готова песня в путь была
Рвануться из моей груди,
Но кто-то шепчет: погоди!
— Ку-ку! —

И Землю старую разъяв
И формулой её объяв,
Остановилась мысль на миг,
И тотчас и её настиг
Кукушки крик:
— Ку-ку! —

О чём кукушка на суку
Заводит древнее «ку-ку» —
О нынешнем,
О прошлом,
О грядущем?

Уходит голос эхом ввысь.
Кукушка, не остановись!

* * *

Ты спишь, Казань...

Я тоже смежу веки,

Но мне не спится в полуночной мгле.

Лик неба,

Зачарованный навеки,

Глядит,

Как бродят вьюги по Земле.

Сююмбике грустит среди туманов,

Над озером Кабан метут снега.

И минаретом строки из дастанов

Нашёптывает белая пурга.

Ты спишь, Казань,

Мой белоснежный город!

Твой белый цвет сильнее темноты.

Снежинками на неба чёрный ворот

Слетают звёзд лучистые цветы.

И кажется, что есть всего два цвета:

Что жизнь бела, а смерть черным-черна.

Так не жалея серебряного света,

Укутанная тучами луна!

Казань,

Ты спишь в заснеженной постели

И видишь что-то в чёрно-белом сне...

Баюкают с тобою нас метели,

Так почему всю ночь не спится мне?

СМЕХ И СЛЁЗЫ

Был весел смех, да горек привкус слёз.

И плакал я, беду от мира пряча.

Трава была холодною от рос,

И камень жёстким был, как неудача.

Когда бы рвать рубаху на груди

И на людях в слезах-рыданных биться,

Смеялся я — прости, судьба, прости!

...Но никому такое не простится.

А там, где б засмеяться во весь рот,

Обиду злую посчитав за малость,

Я городил до неба огород...

И только диву жизнь моя давалась.

А после за меня взялась всерьёз,

Всему учила щедро вперемежку.

И я теперь смеюсь, не пряча слёз.

А если плачу — не таю усмешку...

ОТРЫВОК

Мударрису Аглямову

Как в древнем граде тяжкая ладыя

Бросала ржавый якорь у причала,

Так в сердце мне пришла сегодня грусть

И, в лёд вмерзая, на стоянку встала...

А хочешь, друг, мой маленький гигант,

Скажу, что мы с тобою — как ракеты.

Отличие в том, что в атмосфере чувств

Сгорают прежде изнутри поэты.

Останется от нас хоть уголёк —

Раздует ветер наше пламя снова!

В Отечестве, да будь ты хоть щенок,

Но за него протяжкой своё слово!

В груди у нас горит один огонь —

Как шаровая молния сжигает,

То вознесёт нас в неба синеву,

То вновь на зимний лёд нас низвергает.

По шёрстке не погладят — не вздыхай!

В Отечестве своём, да будь хоть волком!

Но только вой за свой родимый край —

Ведь лучше выть,

Чем плакать втихомолку...

КУПАЮЩИЕСЯ КОНИ

Кони — как надежда, мчат, куда живы.

Кони — как надежда, не жалеют сил.

Некогда подумать. Скачут, скачут,

скачут —

Им и в ханском стойле будет свет не мил.

Кто их погоняет — Алпамыш могучий,

Кто там на хребтине — чёрный Шурале?

Кто верхом там скачет — счастье ли

людское

Или же несчастье скачет по земле?

Разбивают камень дробные копыта,

И цветы восходят, где оставлен след.

Кольханье гривы порождает ветер,

Ветер разгоняет тучи чёрных бед!

Эй, волна-гулёна! Что, съта рассветом?
Что склонились, ивы? Росы тяжелы?
Ик переплывают сказочные кони,
Что белее снега и черней смолы...

ГРИБНОМУ ДОЖДЮ, КОТОРЫЙ ПОЙДЁТ ВЕСНОЮ 2072 ГОДА

Весна 1972 года, Казань

От солнца певчих дней — тебе привет,
Привет и от улыбчивой весны,
Цветы тебе улыбок шлют букет,
Прими поклон и от речной волны!
От дальних сёл с черёмухой в цвету,
Колодезного журавля торчком,
От птиц, всю жизнь поющих на лету,
От жеребёнка, что за красоту
Причёсан ветерком, как гребешком —
Дождь солнечный,
Привет тебе, привет
И правнукам, которых ещё нет!
Ты сеешь свой прозрачный мокрый прах
На чудом сбережённые луга,
И девушка в дождинках-жемчугах
На ту похожа, кто мне дорога!
Она смеётся солнцу и дождю,
И радуги в глазах её видны...
Перед любовью, видно, и у вас
Все юные по-прежнему равны!
Мы складывали песни от души,
Поют ли их потомков голоса?
Вершины, неприступные для нас,
По-прежнему ли манят в небеса?

А жив ли наш родительский язык?
Не занесло ли илом наш исток?
Стихов Тукая яростный родник
Не затянул ли времени песок?
Мосты, соединявшие века,
Обрушились иль всё ещё целы?
На правнуков глядим издалека,
Но это же не значит,
Что из мглы!
Шуми легко, грядущая листва!
Дождь будущий, смелее барабань!
Тебе с твоих высот давно видна
Тысячелетья третьего Казань!

По-прежнему ли в милой стороне,
Серебряными звёздами полна,
Струится Ик-река,
И по ночам
Глядится в реку
Круглая луна?
У нас всё хорошо — весне хвала! —
И дождь,
И солнце в майской синеве,
И радуг невесомые тела
Запутались в травинках
И листве...

* * *

Когда твои ресницы были влажны,
Когда в слезах встречала ты рассветы,
На площадях стихи читал я важно,
Стремясь утешить всех людей планеты.

Когда ты от меня ждала хоть слова,
Смотрел я, как безумный, в лист бумаги,
Своим трудом весь мир спасти готовый,
В глазах твоих не видя горькой влаги.

Когда в глазах твоих стояли слёзы,
Я жёг себя и Космос грел усердно,
Не чувствуя, что белые морозы
Наш выстудили дом немилосердно...

СТРАННАЯ СИТУАЦИЯ

Как Волга продолжает подо льдом
Привычный путь невидимым потоком,
Так и любовь к тебе свой торит путь,
Покрывшись льдом на холоде жестоком.

«Люблю» замёрзло, словно воробей,
И леденеют на морозе губы.
Не клеются все дубли — хоть убей!
Судьба же — режиссёр довольно грубый.

Себе или тебе хочу помочь?..
Но есть другой, кто руки твои греет.
Да только ночь сегодня холодна,
И рук твоих согреть он не сумеет.

Согреет руки... Есть ещё душа,
Она отгадет, знаю я, не скоро.

«Люблю!» — ему бормочешь ты, спеша...
Последний — злобный — окрик режиссёра.

ПРОСТИ

За нежность прости — что пришла
запоздало,
За вёсны прости — их зима задержала,
За взгляды прости — что увидели мало,
За речи прости — если слёзы глотала...

За то, что теперь неприкаянны руки,
За то, что привычна нам горечь разлуки,
За то, что уходят года торопливо,
За то, что душа чересчур терпелива...

Прости же за всё, улыбаясь сквозь слёзы,
Как я это сделал... тогда... у берёзы.

СПЕШКА

Ты мчалась, жизнь, сгорая, как в огне,
Летели мимо города и годы.
Вдруг спохватился я: довольно мне!
Ведь я иной, медлительной природы!

Спешил всю жизнь, да сам не знал куда.
Напрасно вслед мне щебетали птицы,
Луга цвели, текла в ручьях вода.
...Ведь мне казалось, надо торопиться!

«Любила я...» — мне слышится из тьмы,
Но без имён мелькают смутно лица.
Бежал я от любви, как из тюрьмы.
...Ведь мне казалось, надо торопиться!

При встрече мой товарищ хмур, как ночь.
Молчит. Но взгляд его колюч, как спица.
Всё недосуг в беде ему помочь.
...Ведь мне казалось, надо торопиться!

Сияет снег вершины из-за туч.
Вершина мне могла бы покориться.
Но я промчался мимо этих круч.
...Ведь мне казалось, надо торопиться!

Мечта — дворец. Но этого дворца
Я не достроил. И мечте не сбыться.

Раскиданы лишь камни у крыльца.
...Ведь мне казалось, надо торопиться!

Все молнии остались в облаках,
Они уже не проблещают грозно.
Спешил-то я на совесть, не на страх.
Примчался.
Не туда.
И — слишком поздно.

* * *

В кострах осенних — дымная печаль.
Грустит природа, ей былого жаль.
Осенняя пора — пора ухода,
Поэтому печалится природа.

С гудком уходят в дали поезда —
Туда, где люди молоды всегда,
И косяками улетают птицы
За горизонт, куда зовут зарницы.

Как опадает с дерева листва,
Так в чувствах нет былого озорства.
И жизнь моя проходит, как чужая.
Уж осень... А не видно урожая.

А я ли не сгорал в огне живьём!
А я ль не пел июньским соловьём!
Не я ли облетел моря и горы —
Земли родной бескрайние просторы!

Грустит природа, ей былого жаль.
В кострах осенних — дымная печаль.
Потрескивает искорками пламя,
Сжигая в пепел всё,
Что было с нами...

* * *

Ты любишь ливни, я люблю снега.
Ты о дождях мечтаешь среди вьюги.
Мне снится летом снежная пурга.
Что делать, зная это друг о друге?
Задумавшись, мы чуда ждём с тобой.
Глянь, двинулись громады туч набегом.
И небосвод, недавно голубой,
Нам дарит своё чудо — дождь со снегом.
Ты скажешь: хватит, расстаёмся мы!

Я соглашусь, что песенка допета.
И ливень грянет вдруг среди зимы,
И снег повалит в середине лета.
И что-то вдруг в глазах твоих блеснёт:
Дождинка, скажешь ты, ну что такое!
Снег к голове, ответчу, так и льнёт,
И трону седину свою рукою.
Сказать бы нам друг другу: подожди!
Но молодость растаяла в тумане.
Ты навсегда ушла в свои дожди,
Я навсегда застрял в своём буране.

БАЛЛАДА О ГАРМОНИСТЕ

Пусть круглая печалится луна,
А нас, тоска-кручинушка, не тронь!
Давай, сыграй-ка нам, Габдель-абзы,
Вытаскивай скорей свою гармонию!
И растянул Габдель-абзы меха,
А на самом от грусти нет лица,
И так печально заиграл старик,
Что сжались даже чёрствые сердца.
Затих наш деревенский сабантуй,
Светило солнце в спины горячо,
Играл, закрыв глаза, Габдель-абзы,
Надев ремень на старое плечо.
Он пальцами касался наших душ,
Он знал,
Где наше счастье, где — беда.
Мелодия струилась не спеша,
Как в летних ручейках бежит вода.
О том, что было с нами, тоже знал.
Ёщё он знал о том, что впереди...
А впереди нас ожидала жизнь,
И ныло сердце сладостно в груди.
И мы не замечали, что старик
Играет только правой рукой,
Хоть знали:
Нету левой у него,
Что он ещё с войны пришёл такой.
Но мы тогда не ведали о том,
Что боль и нежность в тех сердцах сильна,
Которые и злобой, и огнём
Не одолела прошлая война.
Играет однорукий гармонист,
И парень, победивший всех в борьбе,
Быка унёсший на своих плечах,
Вдруг зарыдал — неужто о себе?
Концерт окончен. Ну, сыграй ещё!

Гармонь, устав, на лавочке лежит.
Тут несмышлёныш старика спросил:
— Зачем обрубок у тебя дрожит? —
Кто слышал, рассердились на него:
— Эй, что ты там такое говоришь!
— Оставьте! — им сказал Габдель-абзы. —
Сейчас я объясню тебе, малыш.
Когда беру я эту вот гармонию
И начинаю что-нибудь играть,
Мне кажется, что на моей руке
Опять целы все пальцы — ровно пять!
И кажется, что ими я бегу
По кнопкам — перламутровым басам,
И ничего поделатъ не могу,
И мой обрубок дёргается сам... —
Вздохнули все: проклятая война...
А скольких потеряли навсегда!
Несложённые песни и стихи —
Ничем не восполнимая беда.
...И словно боль в тех пальцах на руке,
Которая потеряна в бою,
Народ навеки в песнях сохранил —
О тех, кто не пришёл, — печаль свою.

* * *

М. Джалилю

Беркуту петь о любви не дано.
Петь о любви соловью суждено.
Создан один для стремительных битв.
Создан другой для любовных молитв.

Кем же из них был бессмертный Муса,
С песней взмывающий под небеса?
Беркут, запевший пред битвой своей,
Или летящий на смерть соловей?

БОЛЬ

Я не хочу утратить эту боль,
Я знаю
как в душе её сберечь?
Готов я сам на рану сыпать соль,
Чтоб жизнь свою во мраке устеречь.

Судьба не стала тратить лишних слов.
И, как цветок на солнечном лугу,
Тебя из жизни выдернув моей,
Не оглянулась даже на бегу.

В горах ночных ты скрылась навсегда.
В крошечной тьме тебя мне не найти.
Пусть ноет моя рана — не беда!
Пока болит, я не собьюсь с пути.

* * *

Когда-то по-младенчески упрямо
Уста твои пролепетали: мама!
Ты был в стихии речи, как птенец,
Когда впервые вымолвил: отец!

Завещанную предками в наследство,
Ты речь родную постигаешь с детства.
Но лишь тогда ты свой язык постиг,
Когда прошепчешь «мама!»
в смертный миг.

*Переводы **Марата АКЧУРИНА***

БЕРЕГ

Нет, нет, не уходи, не надо
Я тебя
спасу от зим.
Мне кажется — метель
так почему-то на любовь похожа нашу...
Глаза поднимешь — словно с облаков
слетает снег...

Но счастье этот дом
покинуло,
когда в природе побелело.
Мужчинам не пристало — умолять.
Тепло и свет твоей косы хранит подушка.
Душа пуста, как улица ночная,
и снег идёт, ночной пустынный снег.
Боюсь — развернется крутой высокий яр,
где ты меня оставила... Стою
на берегу, как на черте последней,
готовый в пропасть тёмную шагнуть.
Ведь ты другого полюбила так же крепко,
как я тебя люблю, моя родная.
Такая мне, видать, любовь досталась,
что снова наша улица — узка...
Стою на берегу, где шар земной
отныне на две половинки раскололся.
Мужчинам не пристало — умолять.
Но только им от этого не легче.
Метёт метель... Снежинки, словно судьбы,
летят, летят... И не всегда — к добру.
Пусть будет улица твоей любви
счастливой,
пусть по весне шумит зеленою листвою,
зимой — пусть осыпается над нею
снег белый, мягче нежности твоей.
О, как высок и крут полночный берег,
где ты меня оставила. Стою
на берегу своей судьбы, над бездной.
Как пусто в мире — только я и снег...

*Перевод **Николая БЕЛЯЕВА***

От редакции. Сердечно благодарим Ларису Николаевну Маликову, ответственного секретаря журнала «Сююмбике», за предоставленные для публикации материалы из творческого наследия поэта Зульфата (Маликова Дульфата Гусмановича).